

ГОСТИ Газета — 2001 — 7 июня — с. 15

эльфы вышли на сцену

звезды Covent Garden в Москве

ЛЕЙЛА ГУЧМАЗОВА

Когда театр приглашает звезду в текущий репертуар, назубок известный спектакль-абориген обнаруживает новое качество. По идее, тот же эффект должен давать всякий ввод в старые партии новых исполнителей, но на деле так не бывает: молодой солист до звездного часа успевает постоять в кордебалете и потолкаться за кулисами, потому волей-неволей впитывает повадки местной первой скрипки. Особенно в Большом, чей «большой стиль» до жути заразителен.

Самая модная в мире пара из The Royal Ballet Covent Garden Алина Кожокару и Йоханн Кобборг смотрелась сама по себе, а «Сильфида» и «Жизель» Большого театра — сами по себе, с вылезшими наружу проблемами. Исключая частный контакт Матери (Мария Исплатовская) и Жизели, но тут уж спасибо тактильным ощущениям: приезжая дочка едва доставала маме до груди и льнула к ней так безоговорочно доверчиво, что сердце таяло, грех было не приласкать. С этого стоило бы начать — гости были физически ниже всех своих коллег. Невыносимо выразительный ревнивец-Ганс, похожий на церетелиевского Петра, возвышался над приезжим графом Альбертом вопреки принятым канонам: он-то крестьянская кость, а граф благороден, тонок, высок. Где аборигены были миниатюрны, как невеличка Эффи в «Сильфиде» и пейзажная парочка в «Жизели», там все равно казались циклопами, поскольку, думая, что соперничают с гостями и сим победят, обрушивали в зал бурю бравурности, под которой никло все живое. Расклад поддержали дебелие крестьянские девицы, испортившие эффектную диагональ и топтавшие сцену пуантами так, как будто оставляют ее врагам.

Гостям сопротивлялись даже вещи: то порхающая Сильфида-Кожокару не спела за хорошо смазанным подъемником Большого и обронила с декораций птичье

гнездо, то поминальные лилии у Альберта-Кобборга описали в воздухе мудреную кривую, как бумеранг. Чудилось, что поднимающий Жизель из могилы лифт вот-вот заклинит, но обошлось — воскресла. Гости не нервничали. Не вступали в контакт. Не заводились. Просто честно делали то, зачем приехали, и к финалу второго спектакля получили орущий от восторга зал.

В «Сильфиде» было к чему придраться, причем сравнить Кобборга можно было с ним самим трехлетней давности — он без партнерши уже танцевал в Большом этот спектакль. Но в «Жизели» от легкой расслабленности не осталось следа. Заноски идеальные, приземления точные, сложные поддержки в дуэте — и в партере, и в воздухе — хоть сейчас под стекло. Перед рассветом на кладбище Кобборг сделал на радостях такие антраша, что всякий уважающий себя балетоман будет теперь грезить ими до конца жизни.

У Алины Кожокару траектория была похжей, и сравнить ее можно было с прежней Жизелью, которую она вместе с Кобборгом исполняла на Мариинском фестивале год назад. Сильфидой она «не заметила» мелкие па и была не очень уверена в быстрых темпах, а живой Жизелью не увлеклась «вышиваньем ногами»; зато уж туры по кругу завертела в подлинном порыве, а во втором акте, рядом с собственной могилкой, летала, определенно держась за воздух и приземляясь бесшумно, как положено призраку. Маленькая, хрупкая, игривая и естественная, она показывала разницу между балериной-инженю и миниатюрной балериной.

Тут стоит сказать о главном. Кожокару и Кобборг актерски сыграли каждый нюанс своих па де де, обошли все закоулки странноватых балетных причинно-следственных связей. Оба — варяги в The Royal Ballet (Кожокару — обученная в Киеве румынка, Кобборг — датчанин из The Dutch Royal Ballet), они обрели в Covent Garden не только благородство манер и тщательную осмысленность танца, но и нечто гораздо большее. Скажем, возможность остаться собой даже в таком регламентированном искусстве. И этим счастьем им не помешала пользоваться даже враждебная к индивидуальностям среда.

Звезды Covent Garden Алина Кожокару и Йоханн Кобборг станцевали в Большом «Жизель» и «Сильфиду»